

ВЛАДИМИР ВОЛКОВ

ТЕМНАЯ ФЛЕЙТА
ВОЖАТОГО

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В67

Под редакцией *Анны Гутиевой*
Комикс *Ланы Отрешко*
Карта на форзаце *Антонины Линдеманн*

Волков, Владимир.

В67 Темная флейта вожатого / Владимир Волков. — Москва : Эксмо, 2026. — 448 с. — (Смерть в пионерском галстуке).

ISBN 978-5-04-225054-5

В пионерском лагере «Белочка» бесследно пропадает отряд из тридцати человек. Накануне вечером из игровой доносились звуки флейты, а утром на стене жилого корпуса появилась надпись: «AVEC QUE LA MARMOTTE».

Последний, кто видел детей, — вожатый Антон Шайгин, музыкант-флейтист и любимчик всей смены. Однако Антон не может рассказать о случившемся: наутро он ведет себя как сумасшедший и не переставая играет на воображаемой флейте.

Прибывший в лагерь следователь Стаев выясняет, что прапаче детей предшествовали и другие пугающие события. А сама история таинственным образом напоминает давнее дело о мертвых пионерах...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Волков В., 2025
© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-225054-5

*Какая разница, кто убил Роджера Экройда?
Эдмунд Уилсон, американский критик*

Глава 1

ДЕТИ

26 июля 2003 года (суббота)

1

Столовая детского оздоровительного лагеря «Белочка» медленно заполнялась народом. Отряды, подгоняемые вожатыми и воспитателями, один за другим втекали через распахнутые двери матового стекла в залитый солнцем обеденный зал. Воспитанники мыли руки, рассаживались за столами по четверо под песню про куклу Барби, которую крутили по внутренней сети вещания по кругу. Все еще полусонные и вялые, несмотря на только что отгарабаненную зарядку, дети ковыряли ложками в жидкой манной каше, мазали масло на хлеб, прихлебывали жидкий переслащенный чай. Вскоре все места были заняты, и только восемь столов у восточного окна оставались пустыми.

Прошло двадцать минут. Песня про куклу Барби, отыграв положенное количество раз, закончилась. По радиосети включили городские новости. Воспитанники вскакивали, несли тарелки с разворошенной

манкой к окну грязной посуды и бежали к выходу навстречу разгоравшемуся июльскому дню. Столовая понемногу пустела, а завтрак на восьми пустующих столах так и оставался нетронутым. Каша в тарелках остыла и покрылась пупырчатой серой коркой, похожей на гусиную кожу.

— Смотри-ка, а десятый и не торопится на завтрак! — буркнула толстая повариха на раздаче.

— Дык у ихней воспитательницы-то, у Лидии Георгиевны, выходной седни, — отозвалась ее худая товарка, с грохотом скидывая партию тарелок в мойку. — Проспали, видать, вожатые-то. Ох, попадет же им от Ивана нашего Палыча...

Как раз в этот момент в столовую вкатился сам директор лагеря Иван Павлович Половняк, сопровождаемый администратором Варей и старшей вожатой Леночкой. Варя по обыкновению шла налегке, а у Леночки, как всегда, были заняты обе руки: в одной еле умещался пухлый блокнот с заложенной между страниц ручкой, в другой бряцала связка ключей. Совершив обязательный обряд омовения рук, троица устроилась за отдельным столом в углу.

Пока они усаживались, новости закончились. Динамик заиграл бравурную музыку, и бодрый мужской голос проговорил: «Новинка! Сладкие шарики “Кукурузка” со вкусом малины от компании “Тариан”. Покупайте уже сейчас в магазинах города». Хор детских голосов пропел: «Кукурузка, тинь-тинь-тинь! Пум!», и реклама оборвалась.

Иван Павлович поморщился, стащил с носа очки-хамелеоны, отер круглое румяное лицо носовым платком и с удовольствием принялся уплетать двой-

ТЕМНАЯ ФЛЕЙТА ВОЖАТОГО

ную порцию манки, не забывая про хлеб с маслом. Леночка цепляла маленькие комочки кончиком ложки, долго и тщательно пережевывала, вертя головой. Варя проигнорировала содержимое тарелки, отломивла треть кусочка хлеба, пригубила чай и откинулась на стуле с видом скучающей царевны.

Насытившись, Иван Павлович залоснился, затопорщился пшеничными усами и бровями. Прихлебывая чай, он выпрямился, оглядел столовую и тотчас нахмурился.

— Так-так... А это чьи столы там у нас?

— Десятый отряд, — тотчас отрапортовала Леночка. — «Морские котики».

— Опаздывают, оболтусы, — проворчал директор, сверившись со старыми электронными часами «Монтана». — Больше чем на полчаса. Ты посмотри-ка!

Иван Павлович встал, прошелся между столами, с недовольным пытением разглядывая пропадающую зря манку и приговаривая: «Ну куда это годится?», «Вот ведь...», «Ну надо же!» Снова сверившись с «Монтаной», он поджал губы и запыхтел еще громче.

— Леноч, иди позови их, что ли... — обратился он к старшей вожатой. — Совсем совесть потеряли... Ну как так можно? Разгильдяи!

Леночка сунула ложку в недоеденную манку, схватила блокнот с ручкой и выпорхнула из столовой. Иван Павлович прошелся туда-сюда и вдруг остановился, словно споткнувшись. Румянец сошел со щек директора, и его лицо стало похоже на каравай серого хлеба.

— Слушай-ка, — обратился он к Варе, — так это ведь те самые «котики», у которых наш пионер-герой командует. Так?

— Угу, — кивнула Варя.

Она достала из сумочки пакет с «Кукурузкой» и захрустела сладкими шариками, складывая их себе в рот по одному. Иван Павлович снова глянул на допотопные электронные часы, на которых сложилась комбинация 8:45, и в раздражении цокнул языком. Не успел директор произнести очередное «ну надо же!», как к нему подбежал запыхавшийся мальчик в шортах, полосатой майке и синей бейсболке с полустертой надписью «American Eagle».

— Вам сказали... — выпалил гонец, переступая с ноги на ногу, — чтоб вы пришли...

— Куда? — Иван Павлович взглянул на воспитанника поверх очков.

— Туда... В Синий корпус, — махнул мальчик и сглотнул.

— Зачем?

— Не сказали. Сказали только, чтоб пришли...

— Та-а-а-к, — протянул начальник лагеря. — Черт-те что! Постой, а в чем дело?

Мальчик с усилием сглотнул, и лицо его болезненно скривилось. Казалось, он сейчас расплачется, но вместо этого гонец вытаращил глаза и выпалил:

— Там кровь!

Директор застыл с открытым ртом.

— То есть как? — Иван Павлович изобразил бледными губами слабую улыбку. — Ты уверен? Впрочем, я сам выясню. И ты это... сними кепку-то в помещении.

Мальчик стащил бейсболку за сломанный козырек, наблюдая, как бледный Иван Павлович семечит к выходу. Несколько человек бросились к окну, наблюдая за тем, как директор большим коlobком

ТЕМНАЯ ФЛЕЙТА ВОЖАТОГО

скатился по лестнице, пересек площадку для линеек с тремя флагштоками, на которых уныло, по причине полного безветрия, повисли три флага — с гербом лагеря, с гербом области и официальный триколор, — и заковылял по дорожке к видневшемуся за березками Синему корпусу. За ним семенила Варя.

— Кукурузка, тинь-тинь-тинь! — прозвучало из всех динамиков, и радио замолчало.

2

— Тихо! Народ, все успокоились быстро! — в который раз повторил Иван Павлович. — Давайте наконец выясним, что здесь происходит.

Лицо директора розовело как после прогулки на морозе. Сверкающие глаза бегали туда-сюда, а пухлые руки то и дело сцеплялись в замок. Стоявшая посреди комнаты Леночка облизнула губы, закивала мелко и часто. Варя привалилась к косяку плечом и вздохнула. Присоединившийся к директору по дороге из столовой физрук Семен Ильич Стожаров не к месту улыбнулся. Прибывшие на зов вожатые и воспитательница одиннадцатого отряда переглянулись.

Они находились в игровой Синего корпуса. Здесь царил беспорядок: у одной стены стояли составленные неровными рядами стулья, посреди комнаты лежали раскиданные по кругу детские тапочки. Несколько пар также валялось около выхода и на пороге. На другой стене в полутора метрах от пола красовалась надпись, выведенная неровными красными буквами:

AVEC QUE LA MARMOTTE

Именно она и вызвала столько беспокойства. Сумрак в помещении, корявый почерк, алые потеки на стене и капли на плинтусе — все это производило зловещее впечатление. И хотя сразу же выяснилось, что автор неряшливого граффити пользовался обычной гуашью (баночку из-под которой нашли на подоконнике), это нисколько не успокаивало.

— Сразу нельзя было выяснить? — ругался директор. — Зачем надо было кричать «кровь, кровь»? К чему пугать людей?

— Мы ничего такого не говорили, — оправдывалась Леночка. — Андрюша случайно увидел и вообразил себе бог весть что...

— Ладно, — оборвал ее директор. — Меня другое интересует. Где отряд?

Леночка переложила блокнот с ручкой из одной ладони в другую и пожала плечами. Варя сложила руки на груди и с трудом удержала зевок. Физрук поскреб загоревшую безволосую макушку.

— И вожатых тоже нет? — продолжил директор. — И воспитательницы? Так получается?

— Прямо «Мария Селеста», — заметила Варя.

Синий корпус, на первом этаже которого размещался десятый отряд, а на втором — одиннадцатый, был осмотрен досконально. Директор лагеря самолично прошелся по коридорам, заглянул в туалеты, в сушилку и даже в пыльную, заваленную разным хламом кладовку, но не нашел ни души. Четыре пустые палаты на первом этаже. Везде аккуратно заправленные, укрытые покрывалами постели, на которых белыми холмиками возвышались подушки с тщательно вытянутыми уголками; полотенца на

ТЕМНАЯ ФЛЕЙТА ВОЖАТОГО

спинках коек, сложенная одежда на стульях и обувь у каждой кровати, книги и тетради на тумбочках. Что называется, идеальный порядок, все на своих местах. Но такие аккуратность и организованность нисколько не радовали глаз, а навевали совершенно другие настроения. Корпус действительно напоминал печально известный парусник, как справедливо заметила Варя, пассажиры и команда которого сгинули без следа, а обстоятельства произошедшего так и остались невыясненными.

Завершив предварительный осмотр, Иван Павлович приступил к дознанию. Сотрудники одиннадцатого отряда сообщили, что сегодня утром на первом этаже было тихо и что никого из «десятки» они со вчерашнего вечера не видели.

— И на зарядку они, кстати, тоже не явились, — вставил свои пять копеек физрук.

Иван Павлович взглянул на Семена Ильича сквозь полутемные очки, издал утробное «ур-р», собрал губы в бантик и уперся взглядом в потолок. Сверху доносились топот, смех, буханье чего-то тяжелого об пол. Там бесились дети из одиннадцатого, и от этого непривычная тишина на первом этаже казалась еще более гнетущей. Директор снова зашел в одну из палат.

— Они, выходит, так и ушли босиком и в исподнем? — в задумчивости пробормотал Иван Павлович, переходя от одной кровати к другой.

— А может, они пошутить решили? — предположила Леночка. — Ну, в прятки поиграть? Чтобы мы их нашли...

— Ой, да остыньте вы! — махнула рукой Варя. — Сразу ж понятно, что это прикол. Что я, «десятку»

не знаю? Будто у них одежды запасной нет. Умотали, небось, в город за сладостями. Скоро вернутся. Может, они давно в столовке, а мы тут дурака валяем.

После краткого совещания было решено отправить гонца в столовую. (Тот вернулся через десять минут, но не принес утешительных известий.)

— Пойдите-ка! — физрук нахмурился. — А это ведь тут вожатая в начале смены...

— Да тут, тут! — перебил его Иван Павлович и поджал губы. — Обязательно говорить об этом сейчас, правда?

Остальные вразнобой закивали, отворачивая головы, как при упоминании чего-то неприятного. Директор «Белочки» снял очки-хамелеоны, с усилием провел ладонью по лицу и опять повернулся к подчиненным. Повторилась все та же пантомима: Леночка совершила рокировку блокнота и ключей, Варя пожалала плечами, а физрук изобразил задумчивость.

— А вожатые вообще где размещаются? — спросил Иван Павлович.

— Юля тут живет, — сообщила Леночка. — Комната в конце коридора. Мы к ней уже стучались. Там закрыто.

— Значит, плохо стучались, оболтусы! — Иван Павлович сверкнул взглядом из-за очков. — Ведите!

Физрук долго барабанил кулаком в обитую фанерой зеленую дверь, кричал и даже бил ногой. Собрались было послать за слесарем, как тут изнутри донесся недовольный голос, щелкнула задвижка. Мгновение спустя дверь приоткрылась, и в проеме возникла заспанная растрепанная особа в розовой ночной ру-

ТЕМНАЯ ФЛЕЙТА ВОЖАТОГО

башке. Запахивая ворот и поджимая пальцы босых ног, она сонным голосом пробормотала:

— Ну что вы долбитесь как не знаю кто? С дуба рухнули, что ли?

Полуприкрытые глаза гневно сверкали из-под черных пушистых ресниц. Вздернутый и розовый, как у котенка, носик обиженно сопел. Молодая девическая грудь вздымалась и опадала под тонкой материей.

— Здрасьте вам! — воскликнул Иван Павлович. — Не разбудили?

Девушка зевнула, прикрыв рот ладошкой.

— Юля, где отряд? — выступила вперед Леночка. — Где дети?

Вожатая поморщилась и присела на кровать.

— Ой, я почему знаю? Антон их вчера укладывал. Он же их на зарядку водил утром. У него и спрашивайте.

— А воспитательница Лидия Георгиевна?

— Выходной у нее. В город она уехала. Все... Отвяньте от человека.

Юля шумно вздохнула и бухнулась на кровать. Панцирная сетка тихо взвизгнула.

— Та-а-ак, — ухмыльнулся Иван Павлович. — Ну и где же этот Антон, чтоб его? В Желтом корпусе, я так полагаю?

— Ага, — подтвердила Варя. — Он в одной комнате с длинноволосыми живет. Которые грузчиками на кухне работают.

— Погодите-ка! — перебил ее Семен Ильич. — Так это ведь тот самый Антон...

— Да он, он! — директор поджал губы. — Антон Шайгин. Ну и что?

— Ничего, — развел руками физрук. — Просто он же...

— За мной! — рывкнул Иван Павлович и поспешил по коридору к выходу из корпуса.

3

Оставив Леночку и Варю с Юлей, директор и физрук вышли на улицу. Утро понемногу раскошегаривалось. Небо голубело сквозь ветви кленов и лип, рыжие лучи пронзали сочную листву, а трава источала свежие летние ароматы. Вереницы детей тянулись по дорожкам в сторону летней эстрады, где готовились к общелагерному празднику Дню Нептуна, запланированному на двенадцать часов. По радио играли современные хиты. Под речитатив певицы, передающей привет ромашкам, директор и физрук пересекли лужайку с воткнутым в землю деревянным щитом с надписью «По газону не ходить!» и двинулись по главной аллее в сторону южных ворот. Стекла директорских очков-хамелеонов еще больше потемнели.

Через пять минут Иван Павлович и Семен Ильич зашли в сумрачный, пропахший хлоркой коридор Желтого корпуса. Еще издали они заметили распахнутую дверь в конце коридора и поспешили к ней.

В комнате царил разгром. Кровать с голой панцирной сеткой лежала на боку. Недалеко от нее валялся загнувшийся полосатый матрас с содранной простыней. Две другие кровати без покрывал стояли, неровно прижавшись друг к дружке, а в углу у окна разевал пасть старый пустой чемодан. В другом углу

ТЕМНАЯ ФЛЕЙТА ВОЖАТОГО

лежали разбитый вдребезги двухкассетник «Россия» и несколько раздавленных кассет; повсюду валялись одежда, листы с нотами и книги. Посреди этого бедлама стояли два парня — высокий худой Димон и малорослый коренастый Вован, оба длинноволосые, в драных джинсах и стоптанных белых кроссовках.

— Та-а-ак, — протянул директор, снимая очки. — И что тут у нас произошло?

Димон и Вован заявили, что сами «не в курсах», поскольку не видели Шайгина со вчерашнего вечера. Оказалось, что нынешней ночью он в комнате не появлялся, а погром, видимо, был учинен утром с пяти до восьми, когда приятели работали на кухне.

— Веселенькое дело! — воскликнул Семен Ильич.

— Так-так, и где же нам его найти? — нахмурился Иван Павлович.

Коренастый Вован шмыгнул носом и буркнул что-то неразборчивое. Длинный Димон почесал худую шею и выдал:

— На чердаке кинотеатра его можно выцепить по-любому. Он обычно там зависает.

Через десять минут директор и физрук стояли у здания кинотеатра, по совместительству служившего актовым залом, у пожарной лестницы. Иван Павлович задрал голову, прищурившись на небо. Он снял очки, спрятал их в карман и двинулся вслед за Семеном Ильичом: тот уже громыхал кроссовками по ржавым ступеням.

Добравшись до верхней площадки, они остановились у маленькой двери, обитой листовым железом. В воздухе витал отчетливый аромат гари, а над

крышей поднимались клубы жидкого дыма. Физрук переглянулся с директором, взялся за ручку двери и решительно дернул ее на себя.

Из образовавшегося проема тотчас хлынул густой дым. Стаей черных бабочек навстречу выпорхнул ворох клочков жженой бумаги. Они закружились в воздухе, оседая на одежде и запутываясь в волосах. Иван Павлович охнул и отступил. Семен Ильич кашлянул, вглядываясь в мутную полутьму. Когда дым немного рассеялся, директор и физрук шагнули в проем, щурясь и прикрывая рты носовыми платками.

Через минуту из задымленного полумрака появился человек. Он сидел на стуле, положив локти на колени и обратив к вошедшим макушку с неровным пробором. Длинные, почти до плеч, волосы болтались влажными космами, кисти рук свисали вниз, а босые ноги с закатанными штанинами были забрызганы грязью. Белая рубашка, вымазанная сажей, как будто светила в единственном луче солнца, пробивавшемся из слухового окна. Шелковый пионерский галстук, обхватывавший шею вожатого, пламенел, как огонь. Концы его подрагивали на сквозняке.

Перед сидящим стоял эмалированный таз, в котором скручиваясь и потрескивая, дотлевал ворох обугленных листов, испуская последние струйки дыма. Рядом валялись обложка книги, выпотрошенная общая тетрадь и серебристая флейта, облепленная комками желтой засохшей грязи.

— Антон? — осторожно позвал физрук, вытирая слезы. — Эй... вожатый!

Семен Ильич развернул вожатого к свету и тотчас отпрянул. Директор попятился, ударился головой

ТЕМНАЯ ФЛЕЙТА ВОЖАТОГО

о балку и тотчас вылетел из каморки на площадку, где раскашлялся, тряся пухлыми щеками. Семен Ильич выбрался следом, жадно глотая свежий воздух и вытирая слезящиеся глаза.

— Дрянь какая-то... — пробормотал он. — Просто дрянь.

Иван Павлович не сказал ничего.

4

— Да что с ним такое?! — воскликнул директор, всплеснув руками. — Пьяный он, что ли?

Иван Павлович развернулся на каблуках. Круглая физиономия директора рдела, как раскаленный металлический блин, волосы топорщились ключьями, а слипшиеся брови и усы свисали, словно поникшая трава.

С вожатым бились уже полтора часа. За все это время он не произнес ни слова. Ни крики, ни обливание водой, ни остальные попытки привести его в чувство, включая две оплеухи, которые отвесил ему в сердцах самолично директор «Белочки», не принесли желаемых результатов.

Вожатый Антон Шайгин сидел на стуле, откинувшись назад и вытянув ноги-ходули с грязными босыми ступнями. Его длинные руки свисали плетьюми. Обращенное к потолку лицо, измазанное сажей, напоминало трагическую маску: оно застыло в одном выражении боли и страдания, почти не двигаясь. Губы вожатого, стертые до крови, опухли и потрескались. Из приоткрытого рта вырывались тихие звуки: молодой человек дышал в одном ритме — короткий

вдох, медленный долгий выдох. Пионерский галстук слегка колыхался на груди. Могло показаться, что Антон просто спит в такой неудобной позе, если бы не приподнятые веки, под которыми виднелись белки с сеткой лопнувших сосудов.

Вызванная из медблока фельдшерица ослабила узел галстука на шее пациента, посветила ему в зрачки, померила давление, стукнула молоточком по предплечьям и коленям, похлопала по щекам и развела руками: «А я что могу сделать? Вызывайте “Скорую”». Ее выпроводили за ненадобностью.

В кабинете директора и так было многолюдно. У стола по стойке «смирно» стояла раскрасневшаяся и растрепанная Леночка, неразлучная со своими орудиями труда — блокнотом и ручкой. Старшая вожатая то и дело поглядывала на Варю, словно просила ее о чем-то. Администратор стояла, привалившись к стене с пакетиком «Кукурузки» в руках, и сохраняла все тот же индифферентный настрой. В углу на пуфике сидела прелестная Юля, умытая, с дневным макияжем, с забранными в хвост волосами, в которых еще заметней проступали рыжие подпалины. Засунув обе руки под гладкие ляжки, заключенные в короткие шорты, она то поджимала губы, то снова вытягивала их вперед, словно выполняя некое мимическое упражнение.

Досрочно вызванная с выходного воспитательница десятого отряда Лидия Георгиевна Ахметова стояла у двери, прижимая к себе черную замшевую сумку. Отсутствующий взгляд женщины был направлен на ручку старого полированного шкафа. По обе стороны от окна расположились замдиректора по воспитательной